

ВИТАЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ЖУРКИН – МОЙ ДИРЕКТОР И ДРУГ¹

Моё общение с Виталием Владимировичем началось задолго до того, как был основан Институт Европы². С большой долей уверенности могу утверждать, что первая встреча с Виталием Владимировичем, но далеко еще не знакомство, произошла в 1968 г. Сменив незадолго до этого сферу своей деятельности – из журналистики в науку – он поступил на работу в Институт США и Канады АН СССР и защитил в 1968 г. кандидатскую диссертацию «Неоколониалистские доктрины и политика США в Юго-восточной Азии». Защита состоялась в Институте мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО АН СССР), в котором я тогда работал.

Защиты диссертаций в научных институтах – событие неординарное; на них приходят многие сотрудники, особенно те, кому эта процедура еще предстоит. К их числу относился и я. Моя кандидатская диссертация была почти готова (защитил её летом 1969 г.), и не побывать на защите В.В. Журкина я просто не мог. Так в моей памяти запечатлелось его имя и лицо. Моё же имя и лицо в его памяти появилось позже.

В течение следующих 20 с лишним лет, с 1960-х по конец 1980-х гг. в нашей жизни произошли события, в ходе которых мы просто не могли не познакомиться. В жизни Виталия Владимировича наступил звёздный период: стремительная карьера ученого, организатора науки и общественного деятеля; 1976 г. – его докторская диссертация по внешней политике США; 1979 г. – профессор; 1968–1987 гг. – Институт США и Канады АН СССР, где он прошел путь от зав. отделом до зам. Директора; 1988–1998 гг. – член Президиума АН СССР, академик-секретарь Отделения МЭМО АН СССР. Уникальный взлёт уникальной личности.

¹ **Борко Юрий Антонович** – доктор экономических наук, Институт Европы РАН. Адрес: 125009, Россия, Москва, Моховая ул., 11-3. **E-mail:** yborko@mail.ru

² См. также: Борко Ю.А. Полвека на путях и перепутьях отечественной науки / *Интервью с О. Буториной, 9 ноября 2016 г.* / Судьбу нам не о чем просить... семья, жизнь и путь в науке. М. 2016, с. 299–336;

Борко Ю.А. Институт Европы РАН: 90-е годы / Судьбу нам не о чем просить... семья, жизнь и путь в науке. М. 2016, с. 357–374.

Я тоже не стоял на месте: в 1984 г. стал доктором экономических наук и приобрёл известность среди ученых-обществоведов как один из основоположников отечественной школы изучения процессов экономической интеграции в Европе и других регионах современного мира.

У меня не осталось в памяти, когда и при каких обстоятельствах мы наконец познакомились. Скорее всего, в 1980-е гг., когда мы периодически пересекались, участвуя в конференциях по проблемам мировой экономики и политики, и нас, учитывая научный статус обоих, приглашали выступить с докладом или представляли достаточное время при участии в прениях. В личном плане Виталий Владимирович оказался дружелюбным человеком, спокойным и сдержанным. Генетический интеллигент. А в научном плане я был восхищен его эрудицией и талантом аналитика. Участвуя в обсуждении какой-либо темы, Журкин чётко и компактно формулировал суть проблемы, подкрепляя свою интерпретацию точно подобранными фактами и убедительными аргументами. И так – из раза в раз.

Возвращаясь к нашим отношениям в 1980-е годы, я оцениваю их как постепенную эволюцию от товарищеских к дружеским. Пожалуй, самым убедительным свидетельством этого стала наша встреча осенью 1989 г. У нее своя предыстория. В 1987 г. был создан Институт Европы, который возглавил наш юбиляр. Узнав об этом, я сразу же возмечтал перейти в него из Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН АН СССР), где работал с 1971 г. Сам я звонить Журкину не стал. Однако и из Института Европы я звонка не дождался и решил, что на своей мечте ставлю крест.

И вот, через два года неожиданный звонок заместителя директора Института Европы Сергея Александровича Караганова, сообщившего, что в такой-то день и такой-то час Виталий Владимирович ждёт меня для важного разговора. Я прибыл в назначенное время. Встретил меня другой заместитель директора Владимир Никитович Шенаев, с которым был знаком с начала 1960-х гг., когда мы вместе работали в ИМЭМО. Журкин опаздывал, находясь в какой-то важной инстанции, и передал просьбу извинить его и дождаться. После приезда, увидев меня, он воскликнул: «Ну как, будем работать вместе?» и пригласил в свой кабинет. Мои предположения о целях встречи подтвердились – мне предложили перейти на работу в Институт Европы, и я, конечно, согласился.

2 января 1990 г. Журкин подписал приказ о зачислении Ю.А. Борко в штат в качестве исполняющего обязанности главного научного сотрудника. Для снятия привеска «в качестве исполняющего» предстояло еще пройти конкурс, но это была уже формальность. Одним из главных следствий моего перехода в Институт Европы стали новые отношения с Виталием Владимировичем, которые я воспринял сначала как замечательную неожиданность, а затем как огромную радость обретения настоящего друга. Хочу подчеркнуть, что никаких кардинальных новшеств в образе мыслей, методах действий, принципах взаимоотношений с коллегами по работе, вообще с людьми, я не заметил. Да и странно было бы ожидать таких новшеств от человека, миновавшего свой 60-летний рубеж. Напротив, начав в 1990 г. постоянно общаться с Журкиным, я за 30 с лишним лет убедился,

насколько он последователен и твёрд в своих принципах, правилах и способах действий.

Кратчайшее определение его роли как директора уместается в одно слово – интегратор. Это одно из самых важных качеств его уникальной натуры, а скорее – самое важное из них. В нашем Институте трудилось более 100 сотрудников – сто личностей, различавшихся по множеству параметров: полу, возрасту и национальности, по социальному статусу, уровню жизни, образованию и образу мыслей. К тому же, у всех разная психологическая конструкция, разный темперамент и разная способность уживаться друг с другом. И всё это разноцветное сборище надо было преобразовать в единый коллектив, убедив его следовать тем курсом и решать те задачи, которые предложил ему директор.

Виталий Владимирович выполнил эту программу. Какими методами, с какими трудностями он столкнулся, кто его поддерживал и много ли было у него противников, как он преодолевал их сопротивление, как быстро добился решающего успеха в программе преобразований, – точные ответы на эти вопросы знает только он.

Один из форматов поощрения директором творческой активности сотрудников и их сплочения мне запомнился. Это были научные семинары, проходившие под его непосредственным руководством. Они проходили в длинном помещении – два с лишним десятка столов для участников заседания, состав которых менялся в зависимости от научной темы. В начале комнаты, рядом с дверью в коридор, стоял директорский стол. Выступить с докладом на этом семинаре было делом престижным, и список претендентов никогда не иссякал.

Начинал и завершал семинары, подводя их итоги, Виталий Владимирович. Слушая его, я восхищенно разводил руки. Не всегда, но довольно часто, он начинал своё заключение предупреждением, что в данной тематике он себя специалистом не считает и просит не воспринимать своё мнение как истину в последней инстанции. А затем излагал своё виденье проблем европейской и мировой экономики и международных отношений. И оно, на мой взгляд, было обстоятельным и точным. Виталий Владимирович был директором Института Европы в течение 12 лет – с 1987 по 1999 год. Продолжил он играть активную роль в нашей деятельности и после сложения с себя полномочий руководителя.

В наследство преемнику – Николаю Петровичу Шмелеву – он оставил Институт, сотворённый в соответствии со своим замыслом. Прежде всего это позитивный климат человеческих отношений. Здесь решающую роль сыграли не только действия директора, но и мощный магнетизм его натуры, который притягивал окружающих людей. В научном плане Институт стал всероссийским центром изучения проблем Евросоюза, его отношений с Россией, проблем европейской и глобальной экономики, международных отношений. С тех пор в нашем коллективе господствует творческая атмосфера.